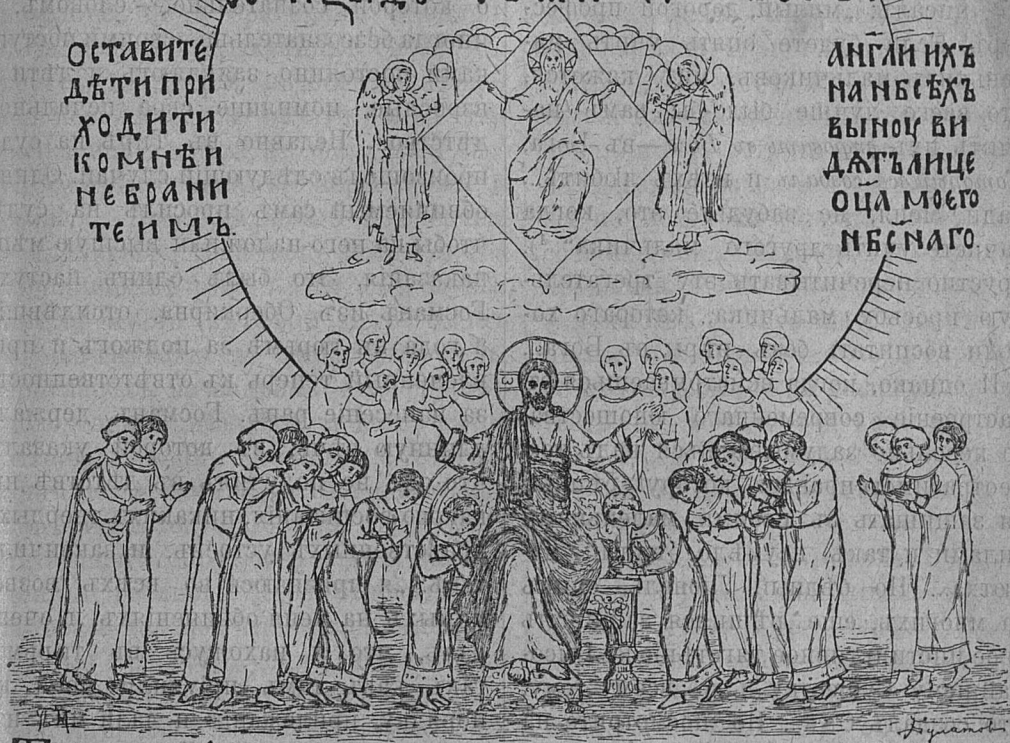

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪБЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМЪНИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкіи Собесѣдникъ дла церковно приходскихъ школъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Нѣкоторые изъ нашихъ подписчиковъ-учителей выражали желаніе приобрести книжки „Зернышекъ Божіей Нивы“ отдѣльно отъ журнала, для раздачи дѣтямъ-школьникамъ. Въ настоящее время вышло такихъ книжекъ 9 №№, въ коихъ помѣщено до 44 статей, съ 9 рисунками. Въ каждой книжкѣ не меньше 48 и до 64 стр. текста. Ихъ можно получать по выбору, по 5 к. за каждую книжку, а съ пересылкой по 7 к. При требованіи на 1 р. высылаются всѣ 9 №№ по 2 экз. Требования адресовать въ нашу редакцію.

Наложнымъ платежомъ ни журналъ, ни „Зернышки“ не высылаются. Подписка на „Божію Ниву“ за 1903 годъ продолжается. „Божія Нива“ за 1902 годъ (№№ 1—12) высылается за 1 р. 10 к.

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

ДУХОВНО ОТРАВЛЕННЫЯ ДѢТИ.

Бѣдный маленькій Ліонель въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ своему учителю между прочимъ, писалъ: „милый, дорогой профессор! Если будете опять учить маленькихъ мальчиковъ, мнѣ кажется, что всего лучше было-бы вамъ научить ихъ *взрѣвать въ Бога*—въ Бога, *Который все создалъ* и всѣхъ любить... Ради меня, не забудьте это, когда начнете учить другого мальчика“¹⁾. Грустно перечитывать эту трогательную просьбу мальчика, котораго хотѣли воспитать безъ вѣры въ Бога...

И однако, когда всматриваешься въ настроеніе современнаго юношества, то невольно задумываешься надъ тою неотразимою правдою, которую рѣшился защищать съ своими маленькими силами и такъ неумѣло бѣдный малютка... Но бѣдный Ліонель, одинъ за многихъ, еще рѣшился защищать свое инстинктивное тяготѣніе къ Высочайшему Существо и ко всему тому, что создалъ Онъ... Но посмотрите на массу заурядныхъ дѣтей—какъ легко и охотно идутъ они по тому пути, на который толкаютъ ихъ враждебные вѣрѣ и нравственности руководители! Борцовъ-дѣтей немного: они слишкомъ просты и довѣрчивы. Стоить только толкнуть ребенка по скользкому пути, онъ, къ прискорбію, уже и самъ идетъ по нему. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, инымъ объясняется все болѣе и болѣе возрастающая въ наше время преступность дѣтей и юношей, преступность иногда поражающая, леденящая кровь, какъ не недостаткомъ вѣры и нравственности, недостаткомъ дисциплины, недостаткомъ руковод-

ственного попеченія отцовъ, матерей и наставниковъ?.. И это не одно предположеніе, а сама жизненная правда о которой сознательно—словомъ, а иногда бессознательно—своими поступками постоянно заявляютъ и дѣти и взрослые, помнящіе свое печальное дѣтство... Недавно въ Тирѣ на судѣ произошелъ слѣдующій случай. Одинъ обвиняемый самъ просилъ на судѣ, чтобы на него наложили высшую мѣру наказанія. Это былъ одинъ пастухъ Госманъ изъ Оберкирна, отсидѣвшій 3 года въ тюрьмѣ за поджогъ и привлеченный теперь къ отвѣтственности за нанесеніе ранъ. Госманъ держалъ длинную рѣчь, въ которой указалъ, что онъ не получилъ въ дѣтствѣ никакого воспитанія, никакихъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, и закончилъ такъ: „я признаюсь во всѣхъ возводимыхъ на меня обвиненіяхъ, и очень радъ, что я нахожусь въ тюрьмѣ, такъ какъ тамъ пріучили меня къ порядку, прилежанію и дали мнѣ нѣкоторое образованіе... Я принимаю всякое наказаніе съ благодарностію и чѣмъ оно будетъ строже, тѣмъ лучше: я прошу только прощенія у тѣхъ, которымъ я причинилъ какой-нибудь вредъ“. Когда, послѣ этой рѣчи, судъ приговорилъ Госмана къ четырехъ мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ, то обвиняемый сталъ искренно благодарить судей¹⁾. Такъ настоятельна потребность *въ воспитаніи воли*, въ укрѣпленіи ея въ добрѣ! Бѣдный труженикъ не былъ опытно знакомъ съ правилами жизни истиннаго человѣка и вотъ онъ, сознавая въ себѣ преобладающее господство страстныхъ наклон-

¹⁾ Изъ Исторіи дѣтской души стр. 233.

¹⁾ Журн. Нар. Благо, № 18.

ностей, хочеть, хотя-бы въ мрачныхъ стѣнахъ тюрьмы, научиться доброму поведенію... Но это преступникъ, сознавшій свою духовную немощь и ищущій врачевства... Но вѣдь сколько гибнетъ для общества еще въ дѣтскомъ возрастѣ, подъ бременемъ страстей, быть можетъ, недюжинныхъ силъ!.. Не грустно-ли читать подобныя сообщенія періодической печати: одна дѣвочка изъ зависти къ нарядамъ своей сестры облила ее керосиномъ и сожгла... Двое, мальчикъ и дѣвочка, поклялись во взаимной любви и оба утопились въ рѣкѣ.. Эти оба случая имѣли мѣсто въ 1902 году. Одинъ юноша-гимназистъ, семнадцати лѣтъ, пригласилъ на кадрилъ въ обществѣ молоденькую дѣвочку и, когда та не захотѣла съ нимъ танцевать, застрѣлилъ ее. Это было въ Твери въ половинѣ Іюля текущаго года. Извѣстный читающему міру подростокъ, исключенный реалистъ, Кара, относительно котораго только что закончился судебный процессъ, убилъ свою мать и двухъ сестеръ. И все это онъ сдѣлалъ для того, чтобы воспользоваться родительскими деньгами, нужными ему на удовлетвореніе своего разгула! А вотъ и картинки съ натуры. Мы ѣхали по Николаевской желѣзной дорогѣ. Здѣсь случайно встрѣтилась намъ одна хорошая знакомая Н. А., направлявшаяся изъ имѣнія въ Москву. Разговоръ коснулся, между прочимъ одного мальчика лѣтъ шести—сына врача. „Не забуду одной ночи, рассказывала моя собесѣдница, проведенной съ нимъ. Меня попросили ночевать съ этимъ мальчикомъ. Отецъ и мать его уѣхали въ эту ночь куда-то въ гости. Я легла съ нимъ спать въ одной комнатѣ. Вдругъ мальчикъ ночью, улыбаясь, будить меня: тетя, а тетя, смотри — вонъ ч...! Я испуганно вскакиваю

и спрашиваю, гдѣ и что такое. А мой маленькій компаньенъ продолжаетъ, указывая на передній уголъ: вонъ сіяеть-то ч...! У меня пробѣжали по тѣлу мурашки и я, вздрагивая, разъясняю ему: Петя, что ты?... Это не ч...ъ, а икона Спасителя, а предъ ней лампада. А мой Петя еще повторилъ: нѣтъ, это ч...ъ, и быстро спрятался, смѣясь, подъ одѣяло. Это была, повидимому, острога шести-лѣтняго, не по-дѣтски развитаго, мальчика... Да, да, не по-дѣтски развитаго—добавила собесѣдница... Если-бы вы слышали, продолжала она, что говорилъ онъ о замужествѣ и вообще о такихъ вещахъ, о которыхъ даже и взрослые не говорятъ, то вы ужаснулись-бы... Нѣтъ, не забуду этой ночи и не желаю, чтобы повторялась она“.

— А что-же его отецъ, мать-то? спросилъ я.

— Любимецъ!—отвѣтила Н. А.... Немножко я и сама допытывалась у него, какъ и отчего у него сложилось такое кощунственное отношеніе къ святынь, прибавила спутница, и спрашивала его: знаетъ-ли онъ молитвы? Петя мнѣ сказалъ, что молитвы знаетъ, но мама не велитъ учить ихъ. Когда старая нянька бываетъ одна, она заставляетъ читать молитвы, а какъ услышитъ, что мама идетъ, такъ сейчасъ замолчитъ—вотъ несложная Петина исповѣдь.. Бѣдный, жалкій Петя!.. А какъ непочтителенъ-то, непочтителенъ-то, закончила свой рассказъ Н. А. Своего дѣда называетъ даже иногда „крысой“, даетъ всякія прозванія гостямъ, достается и мамѣ“... 1)

1) Читая въ корректурѣ эту статью, мы невольно припомнили на дняхъ слышанный нами рассказъ одного начальника желѣзнодорожной станціи: есть у него помощникъ, еще совсѣмъ молодой человекъ, который старается вездѣ рисоваться въ качествѣ „интел-

Грустно, тяжело было намъ слышать объ этомъ русскомъ Ліонелѣ. И кто знаетъ, что будетъ съ нимъ?.. Загорится-ли въ немъ Божья искра, или онъ задохнется въ чаду собственныхъ страстей, сдѣлается жертвою неблаговоспитанности и слабоволія, какъ и многіе его собратья, которые не знаютъ старой пушкинской няни — доброй нѣжной старушки.... Да, кстати о няняхъ... Няня, русская няня, какъ мало цѣнятъ тебя!.. Недавно въ газетахъ даже было сообщеніе, что многіе берутъ къ себѣ нянекъ изъ японокъ, потому что онѣ лучше ухаживаютъ за дѣтьми.. Обидно за русскихъ нянь — нянь съ хрстіанской душой, къ которымъ пренебрежительно относится даже печать, ратующая за работницъ—японокъ, которыя быть можетъ только и работящи-то, пока лишь ихъ не коснулась модная культу-

лигента—безбожника. У этого юнаго безбожника есть двое милыхъ дѣтокъ—мальчикъ и дѣвочка. Храмъ—въ двухъ шагахъ отъ станціи. Ни отецъ, ни мать этихъ малютокъ въ храмъ не заглядываютъ. Мать разъ какъ-то заглянула по женскому любопытству и потомъ говорила своей соседкѣ: „ходить по церкви дьяконъ съ такою важностью, курить чѣмъ-то, я чуть не разохоталась“... Понято, эта мамаша и не думаетъ водить дѣтокъ въ церковь Божію. Мало того: мальчикъ какъ-то увидѣлъ, что начальникъ станціи идетъ въ церковь, и сталъ просить его—взять его съ собою. Тотъ съ удовольствіемъ согласился, но мамаша крикнула на ребенка: „не смѣй, развѣ можно итти въ такомъ костюмѣ?“ Мальчикъ быстро побѣжалъ въ свою комнатку и вышелъ одѣтый прилично. Мать опять крикнула: „ты безъ галошъ!“ Ребенокъ сбѣгалъ—надѣлъ галоши. Тогда мать съ сердцемъ крикнула: „сказано тебѣ—не смѣй ходить!.. Нечего тебѣ тамъ дѣлать“... И малютка съ слезами на глазахъ отошелъ въ сторону.. Что это, какъ не тиранство надъ бѣдною душою дитяти? Ужели несчастная мать не понимаетъ, къ чему она ведетъ свое дитя?.. Страшно подумать...

Редакторъ.

ра.... Нѣтъ, нечестные судьи, повидимому, напрасно обвинили нашихъ нянь. Да знаютъ ли они о русской нянѣ?... Вѣдь городская балованная прислуга—это отнюдь не плодъ старыхъ русскихъ завѣтовъ, это отнюдь не представительница здоровой деревенской среды,—это результатъ модной городской благовоспитанности, которой, къ сожалѣнію, стала щеголять и городская работница — крестьянка. Недавно въ домѣ одной почтенной особы П. Д. М., умѣющей цѣнить и разбирать прислугу, пишущему эти строки пришлось поговорить съ ея горничною, рѣдкою по духовному настроенію особою. Не смотря на свои небольшіе годы, она на послѣдніе гроши объѣхала Палестину и исходила веѣ святыны Русской земли. Рѣшившись поступить въ няньки въ одно семейство, она отдалась малютокѣ всей своей вѣрующей душой.. Стала ласкать его и говорить ему о Богѣ... Но недолго пробыла она здѣсь... Ей увеличили жалованье, уговаривали остаться нянькой, но она не осталась, не осталась потому, что не поняли психологіи русскаго человѣка, не поняли того, что и она, прислуга, можетъ имѣть свои убѣжденія, свои взгляды на всякую вещь. „Нѣтъ, не могла, не могла я оставаться тамъ—объясняла она намъ свой уходъ изъ нянекъ. Какъ-же: я говорю малютокѣ (дѣвочкѣ) о Богѣ, а мать подойдетъ, да и говоритъ: ну, нянька-то у тебя монахиня... не слушай ее... Она и изъ тебя богомолку сдѣлаетъ.... Жалко было мнѣ дитятку, а дѣлать было нечего... Пришлось уйти: не могла я не по-божьки дѣло свое дѣлать“.... Это-ли не няня? Нѣтъ, есть и на Руси хорошія няни, только не въ конторахъ, не въ шелкахъ и батистахъ нужно искать ихъ.... Но возвратимся къ приведеннымъ

фактамъ дѣтской и юношеской порочности и разнузданности. Разберитесь въ нихъ. О чемъ говорятъ они? Несомнѣнно о томъ, что въ духовномъ настроеніи этихъ маленькихъ преступниковъ и развратныхъ дѣтей, въ пору самага ранняго возраста, происходитъ подмѣнъ понятій: врожденная любовь къ родителямъ подмѣняется страстною влюбчивостью, родственная привязанность разрѣшается въ простую обязанность совмѣстнаго пребыванія. Эгоизмъ, зависть господствуетъ надъ понятіями честности... Понятіе Бога, всѣмъ благодѣющаго, *для всѣхъ сотворившаго прекрасный міръ*, отодвигается на задній планъ... Вотъ наличное настроеніе и, увы, теперь большинства, съ которымъ *должны были бы* считаться прежде всего родители, но съ которымъ волею—неволею приходится имѣть дѣло законоучителю и учителю. И сколько проницательности, сколько опытности нужно для того, чтобы понять, подмѣтить и исправить слабыя стороны ученика... Съ этой точки зрѣнія учитель, рядомъ съ законоучителемъ, является, подъ часъ, единственнымъ лицомъ, которое одно сильно возвратитъ обществу теряющихся для него людей еще въ дѣтскомъ возрастѣ... Великая, святая задача, но великъ и нелегокъ трудъ. И только одна любовь руководителя школы можетъ спасти его питомцевъ... Присмотритесь къ періодической печати. Здѣсь вамъ вскроютъ массу ненормальныхъ явленій въ жизни дѣтей. Но что рекомендуется въ ней для исправленія учениковъ? Ничего. Говорятъ объ учрежденіи благотворительныхъ заведеній для дѣтей преступниковъ. Но это борьба со зломъ, это врачевство, *маленькое*, сравнительно съ общимъ бѣдствіемъ, врачевство... Главная, конечно, сила — это сила добраго примѣра, сила нравствен-

наго вліянія учителя на учениковъ, на ихъ отцовъ и матерей. И опытный руководитель сумѣетъ, конечно, повліять и на ученика, и на его отца и мать, съумѣетъ сблизиться и съ питомцемъ и съ его родителями... „Божія Нива“ даетъ въ настоящемъ номерѣ статью, въ которой можно найти практическіе опыты борьбы съ дѣтскою преступностью, но мы, съ своей стороны, хотимъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи учителя къ обыкновеннымъ дѣтскимъ грѣшкамъ, которыми полна жизнь учениковъ всѣхъ школъ и сельскихъ и городскихъ. Мы останавливаемъ на нихъ свое вниманіе потому, что борьба съ этими „маленькими грѣшками“ нераздѣльна съ воспитаніемъ добрыхъ навыковъ, съ выработкою нравственной дисциплины, безъ которой не можетъ возрасти ни одинъ честный труженикъ, ни одинъ добрый гражданинъ нашей родины... Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи дѣтей къ окружающей природѣ. Намъ уже представлялся случай говорить о религіозно-эстетическомъ отношеніи къ природѣ съ цѣлію назиданія дѣтей. Говорили мы также о началахъ стыдливости и честности въ отношеніи къ ближнимъ. Теперь рѣчь о честности въ отношеніи къ природѣ.

Природа—это, можно сказать, вторая мать для дѣтей деревни. На ея лонѣ развиваются у нихъ начатки чувства прекраснаго; такое или иное отношеніе къ ея щедрымъ дарамъ является первымъ и довольно безошибочнымъ показателемъ дѣтскаго настроенія, дѣтскихъ понятій о честности и совѣтливости. И однако въ наше время очень рѣдки счастливыя дѣти, которыя съ пеленокъ ощущаютъ на себѣ прикосновеніе тѣхъ безконечно-разнообразныхъ сокровищъ, кото-

рья мать-природа на всякомъ мѣстѣ расточаетъ предъ каждымъ, имѣющимъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слушать. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ смутны понятія о чужой собственности у большинства деревенскихъ дѣтей. Загнать теленка куда-нибудь въ конопляникъ, переломить ногу пѣтуху сосѣда, устроить опустошительный походъ въ его огородъ, садъ, или горохъ, разорить гнѣздо птички, сорвать и бросить безъ толку растеніе, обломать сучья у дерева и выпустить соки — древесную кровь березки—вотъ частные виды неуваженія дѣтей къ природѣ, вотъ каково, въ большинствѣ случаевъ, отношеніе дѣтей къ своему *первому сосѣду* и благодѣтелю—къ природѣ. А вѣдь подобное отношеніе къ природѣ, которой, потомъ, никогда не замѣнитъ въ общественной жизни никакой сосѣдъ, есть первый шагъ, предуказующій дальнѣйшій путь — путь своеволія и полной распущенности, дающей въ результатъ печальные и ужасные случаи проявленія страстей, которымъ отдають обильную дань русскіе Ліонели — дѣти всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій, дѣти, привыкающія сначала уродовать и губить только природу, а потомъ и людей...

И всѣ эти неровности духовной стороны дѣтей, все это неуваженіе къ природѣ предстоить сгладить школѣ, которая должна воспитать и развить ребенка и не только „воспитать“ и „развить“, но „внѣдрить“ понятія о справедливости, честности и состраданіи въ отношеніи къ природѣ, внѣдрить всѣмъ дѣтямъ, дѣтямъ городовъ, селъ и деревень, гдѣ или по своему невѣдѣнію и по недостатку нравственной чуткости, или въ силу внушенія ложныхъ нравственныхъ правилъ, не подмѣчаютъ и не хотятъ подмѣчать

„легонькихъ“ грѣшковъ, „маленькихъ“ продѣлокъ... И эта многосложная задача воспитанія въ дѣтяхъ чувствъ порядочности и честности въ отношеніи къ природѣ и неразумнымъ тварямъ, задача общая для законоучителей и учителей—великая, отвѣтственная задача. Отъ рѣшенія ея и зависитъ, между прочимъ, иногда общій складъ подрастающаго поколѣнія по пословицѣ, что посеешь, то и пожнешь. Пролѣдите дѣтство преступныхъ людей, дѣтство даже великихъ общественныхъ дѣятелей съ ихъ рѣзкими, иногда, особенностями характера, и будетъ ясно, какое пагубное вліяніе имѣло на ихъ нравственную личность жестокое, несправедливое отношеніе къ природѣ... Такъ, кому неизвѣстно, на примѣръ, дѣтство грознаго русскаго Царя Іоанна? Кто не знаетъ его дѣтской привычки мучить животныхъ, привычки неисправленной и незаглушенной ни добрыми указаніями его дядекъ и мамокъ, ни внушеніями угодливыхъ и своевольныхъ бояръ...

И дорогъ, очень дорогъ долженъ быть нашей родинѣ такой труженикъ на нивѣ дѣтскихъ сердець, который съумѣетъ установить живую разумную связь ребенка съ природой. А природа сама уже тогда докончитъ дѣло учителя: своимъ свѣтомъ и тепломъ, своимъ разнообразіемъ содержанія и своими красотами она захватитъ душу ребенка и вмѣстѣ съ храмомъ Божиимъ сдѣлается великою храминою, могущественною школою, и поставитъ его на путь добродѣтельной жизни.

Да, побольше вниманія къ дѣтямъ, почаще должно призывать ихъ къ порядку, понастойчивѣе слѣдуетъ дисциплинировать волю, рано и непоправимо, иногда, распатываемую въ дѣтяхъ. И тогда менѣе будетъ русскихъ Ліонелей, нравственныхъ уродовъ, по-

святующихъ на жизнь близкихъ людей и непонимающихъ родственной кровной любви; менѣе тогда будетъ и тѣхъ, далеко не странныхъ жалобъ, съ какою обратился недавно преступникъ-паствухъ къ своимъ судьямъ: „я не получилъ въ дѣтствѣ никакого воспитанія, никакихъ твердыхъ нравствен-

ныхъ началъ и очень радъ, что нахожусь въ тюрьмѣ, такъ какъ тамъ пріучили меня къ порядку“...

И какъ бы хотѣлось вѣрить, что тюрьма не будетъ учителемъ нашихъ дѣтей, юношей и взрослыхъ!..

Д. Введенскій.

П О Р О Ч Н Ы Е Ш К О Л Ъ Н И К И .

Въ нашихъ народныхъ школахъ, безъ сомнѣнія, часто встрѣчаются порочныя дѣти. Желательно было бы знать, какого рода замѣчаются ненормальности и какими приемами господя учителя и оо. законоучителя пользуются въ подобныхъ случаяхъ для исправленія несчастныхъ? По нашему мнѣнію, вопросъ этотъ—немаловажный. Какъ показываютъ наблюденія, положительно можно сказать, что нерѣдко въ нашихъ начальныхъ школахъ, подъ нашимъ руководствомъ воспитываются, а вѣрнѣе сказать—передъ наши глазами растутъ и крѣпнуть будущіе зловредные люди, зловредные—для самихъ себя, семьи, Церкви и общества, воспитываются, такъ сказать, будущіе преступники. Мы прежде всего опишемъ здѣсь нѣсколько фактовъ изъ собственныхъ школьныхъ наблюденій.

Въ городской двухклассной школѣ, съ открытіемъ въ сентябрѣ школьныхъ занятій, было замѣчено, что начались почти ежедневныя кражи. У одного ученика пропали булки изъ кармана, у другого—деньги. Проходятъ дня два—заявляютъ, что шарфъ пропалъ, тамъ перчатки не находятся. Какъ видно, кража ведется систематически. Рѣшивъ во что бы то ни стало отыскать виновника, начинаю допраши-

вать старшихъ учениковъ: не замѣчали ли они за кѣмъ шалостей? Ученики отвѣчаютъ, что не замѣчали, чтобы кто изъ учениковъ воровалъ.

— Вотъ въ прошедшемъ году, до вашего поступленія въ школу, И. Н., не было воровства.

— Правду вы говорите?

— Вѣрно, вѣрно!

— Бывало что позабудешь—то въ школѣ и то не пропадало, придешь утромъ и найдешь свою вещь тамъ, гдѣ оставилъ, отвѣтилъ одинъ изъ учениковъ.

Вижу, что воришка недавно попалъ въ школу и, какъ выясняется, онъ долженъ быть въ младшемъ отдѣленіи. Прихожу въ младшее отдѣленіе. Учениковъ масса, болѣе девяноста человѣкъ тогда обучалось въ первомъ отдѣленіи. Начинаю спрашивать, кому не попали ли чужія вещи, шарфъ чужой не попалъ ли кому? Отвѣчаютъ ученики, что нѣтъ. Вматриваюсь въ лица, всѣ покойны, а обыкновенно маленькіе виновники выдають себя, волнуются, краснѣютъ. Не обращая вниманія на неудачу употребленнаго приема, продолжаю съ дѣтьми бесѣду, начинаю расспрашивать, гдѣ себѣ они покупають калачи, пряники и вообще всякія мелочи. Ученики начинаютъ говорить. Кто говорить про свои по-

купки, кто про покупки товарищей. Оказалось, что Копылковъ чаще всѣхъ покупаетъ себѣ лакомства. Спрашиваю Копылкова, покупалъ ли онъ когда пряники и на сколько?

— Нѣтъ, И. Н., я ничего не покупалъ, ребята врутъ!

— Покупалъ, покупалъ, мы видѣли, заявили двое.

— Свистушку покупалъ, мы стояли около лавки и видѣли, отвѣтили нѣкоторые.

Напавъ на слѣдъ виновника, я прекратилъ расспросы. Черезъ часъ я вызвалъ Копылкова въ свою комнату, снова приступилъ къ вопросамъ, чей онъ сынъ? Кто въ домѣ старшій? Гдѣ живетъ? Чѣмъ домашніе занимаются? Сколько ему лѣтъ? Оказалось, онъ круглый сирота, живетъ съ родной бабушкой, бабушка существуетъ милостыней, ему идетъ уже двѣнадцатый годъ. Приласкавши мальчика, я началъ его допрашивать, не бралъ ли онъ когда чужихъ вещей? Но онъ упорно отрицалъ свою виновность, божился и былъ совершенно покоенъ. Судя по его душевному состоянію, можно было подумать, что дѣло идетъ о постороннемъ человѣкѣ, а не о Копылковѣ. Спрашиваю, гдѣ ты деньги берешь на игрушки и лакомства? Отвѣтилъ, что бабушка даетъ. Какъ я ни старался довести Копылкова до сознанія, никакъ не могъ добиться желаемыхъ результатовъ. Копылкову я приказалъ прислать ко мнѣ свою бабушку и самому съ ней прійти. Ученикамъ школы я объявилъ, чтобы они не роптали, вещи ихъ гдѣ нибудь найдутся. Вечеромъ приходитъ ко мнѣ бабушка Копылкова. Старуха, не слыхавъ еще отъ меня ни слова, ударила въ слезы.

— Ты, кормилецъ, нападаешь на малаго то, бойся Господа Бога, онъ

вѣдь сиротка!.. Въ какомъ худомъ дѣлѣ его обвиняете!.. Много ли намъ нужно!.. Пойду, собираю, мы и сыты!..

— Бабушка! я еще его не обвиняю, а призвалъ тебя за тѣмъ, чтобы кое о чемъ спросить... Дай Богъ, чтобы твой внукъ былъ правъ въ данномъ случаѣ и честенъ въ будущемъ, отвѣтилъ я ей.

— Нѣтъ, вы на насъ—бѣдныхъ нападаете. Вотъ принимать въ школу то его не хотѣли, говорили, что старъ, обливаясь слезами, причитала старуха.

Копылковъ, поднявши голову кверху, стоитъ покойно, лукаво посматриваетъ то на меня, то на бабушку, какъ бы взвѣсивая обстоятельства дѣла и предрѣшая, что изъ всего этого выйдетъ.

— А что, бабушка, даешь ты внуку когда деньги на лакомства?

— Какъ же, родимый, онъ моя надежда, двѣ, три копейки, пятачекъ я всегда ему даю, сама голодная просижу, а ему отдамъ.

Что дѣлать? Вижу, что на всѣхъ пунктахъ я разбитъ, но чувствую, что дѣло обстоитъ иначе: и бабушка и внукъ большіе мастера своего дѣла.

— Бабушка! ты осердилась на меня, а я вѣдь не желаю очернить твоего внука... Знаешь, дѣти иногда шаловливы, можетъ статься и твой внукъ спалилъ, утащилъ изъ кармана товарища пятачекъ; я желаю, если онъ это сдѣлалъ, отъучить его отъ воровства!

— Нѣтъ, кормилецъ, мой внукъ смиренный, у насъ въ роду всѣ смиренные, да много ли намъ нужно?

— Ну, бабушка, если твой внукъ будетъ плохимъ человѣкомъ, то вини себя, а не насъ—учителей.

— И... и, кормилецъ, я васъ винить не буду, вы вотъ поучите грамотъ его все будетъ порасторопнѣе, а то онъ

еще малопонятливъ, заключила уже безъ слезъ старуха.

Старуху я отпустилъ, сказавъ, что ея внука въ воровствѣ не обвиняю, онъ будетъ продолжать учиться. Въ описанный день пропажи въ школѣ не было. Очевидно, вниманіе воришки отвлечено было въ другую сторону.

Но тихая, покойная въ школѣ жизнь текла не болѣе недѣли.

Однажды, послѣ большой перемѣны, одинъ изъ учениковъ младшаго отдѣленія заявилъ, что у него пропали калоши. Дежурный учитель объявилъ намъ—всѣмъ учителямъ о случившемся. Я, какъ уже принимавшій дѣятельное участіе въ отысканіи воришки, отправился въ школу, обошелъ всѣ классы, ученики всѣ покойны, волненій на лицахъ не замѣчается. Старшіе ученики обѣщали присматриваться, не понесетъ ли кто, послѣ уроковъ, краденыхъ калошъ. Прихожу въ первый классъ, приказываю посмотреть въ партахъ, не завалились ли гдѣ тамъ калоши? Ученики охотно и внимательно осмотрѣли парты. Копылковъ даже внимательнѣе другихъ осматривалъ свою парту. Ученики успокоились, я объявилъ, что если кто гдѣ найдетъ калоши, то чтобы сказалъ мнѣ. Всѣ ученики смотрятъ на меня, но Копылковъ какъ-то все вертится, смотреть по сторонамъ, какъ бы наблюдая, не обращаютъ ли на него вниманія товарищи. Пожалѣвъ потерпѣвшаго и къ тому же плакавшаго ученика, я высказалъ, что, вѣроятно, кто нибудь изъ чужихъ приходилъ въ школу и взялъ новые калоши. Я удалился изъ класса.

На учительскомъ совѣтѣ мы рѣшили осмотрѣть повнимательнѣе учениковъ при уходѣ домой. Когда пробили звонокъ на отпускъ, два учителя, на виду всѣхъ учениковъ, отправи-

лись къ выходной двери и занялись осмотромъ сумокъ ученическихъ. Я же, сдѣлавши видъ, что ушелъ на второй этажъ, въ свою квартиру, поспѣшно направился къ парадному крыльцу (ученики параднымъ ходомъ не ходятъ) и помѣстился между двумя дверями. Верхняя часть внутренней двери была стеклянная, черезъ стекла мнѣ было видно, какъ Копылковъ раза три выбѣгалъ изъ класса и все смотрѣлъ, какъ бы соображая, какъ ему лучше уйти изъ школы. Наконецъ, вбѣжалъ въ классъ, поспѣшно выскочилъ изъ него и ударился бѣжать параднымъ ходомъ. Но лишь воришка переступилъ порогъ двери, оказался въ моихъ рукахъ. Калоши у Копылкова были спрятаны подъ пальтомъ. Виновника я взялъ къ себѣ въ квартиру, началъ его уговаривать, убѣждать, что чужое брать грѣшно и нехорошо, но упорный мальчишка стоитъ, какъ стѣна: ни волненія, ни стыда, ничего не появилось на его спокойномъ лицѣ. Сейчасъ же рѣшено было призвать его бабушку. Служитель скоро привелъ старуху. Всѣ учителя во главѣ съ завѣдывающимъ рѣшили убѣдить старуху принять мѣры къ исправленію внука.

Явившейся старухѣ я объявилъ, что ея внука вотъ сейчасъ же уличили въ воровствѣ, что онъ у товарища утащилъ калоши.

— Такъ вы все на насъ—бѣдныхъ нападаете; можетъ быть, онъ и взялъ калоши, но это только на ногахъ поносить, своихъ-то у него нѣтъ, а ребячье дѣло, сами знаете, поносить хочется...

— Вотъ что, бабушка, ты какая то странная! Мы тебѣ говоримъ, что онъ утащилъ калоши, а ты поясняешь, что онъ пошалилъ калошами: мы тебѣ говоримъ, что онъ занимается воров-

ствомъ, нужно узнать, кому онъ продастъ краденныя вещи... Его нужно исправлять, а ты говоришь, что мы нападаемъ на тебя—бѣдную.

— Нѣтъ, я ничего за внукомъ не замѣчала плохого, онъ всегда смиренный, послушный; тутъ у васъ какаянибудь ошибка!

Не добившись со стороны бабушки согласія на исправленіе порочнаго внука, мы позвали сюда же и самого виновника. Спрашиваемъ его, бралъ ли онъ калоши? Внукъ отвѣтилъ только, что взялъ, а болѣе ни одного слова не сказалъ. Мы его спрашиваемъ, за чѣмъ взялъ, куда хотѣлъ калоши отнести? Всѣ наши вопросы остались безъ отвѣта. Мы думали, что бабушка теперь-то, послѣ признанія внука въ кражѣ, хотя чтонибудь скажетъ противъ внука. Но всѣ наши ожиданія не увѣнчались успѣхомъ. Бабушка вмѣсто признанія въ своемъ заблужденіи отвѣтила: „да мы, пожалуй, и не нуждаемся въ школѣ, и безъ науки можно быть сытымъ, намъ—двоимъ немного нужно“, и пошла отъ насъ, взявши за руку виновнаго внука.

Видно было, что изъ Копылкова не можетъ выйти добрый человѣкъ. Плутватая бабушка завладѣла душой внука, толкнувъ его на легкій, но пагубный путь наживы.

Чѣмъ въ данномъ случаѣ можно было бы помочь горю, спасти отъ явной гибели человѣка? Отобратъ отъ бабушки мальчика и помѣстить при школѣ года на четыре подъ тщательный надзоръ опытныхъ педаго-

говъ. На другой день послѣ разсказаннаго событія одинъ изъ учениковъ принесъ въ школу букварь Копылкова и передалъ слова бабушки, что Копылковъ болѣе въ школу ходить не будетъ, что въ грамотѣ онъ не нуждается.

Въ школѣ Копылковъ былъ признанъ выбывшимъ. Послѣ этого часто я встрѣчалъ Копылкова на улицахъ города. Нѣсколько разъ я пытался подзвать его къ себѣ съ цѣлію узнать, не одумался ли онъ, но ни разу не удалось. Онъ, какъ волкъ, увидя меня, бѣжалъ въ сторону. Ученики передавали мнѣ, что его не одинъ разъ на базарѣ замѣчали въ воровствѣ, гнались за нимъ, хотѣли поймать его. Я полюбопытствовалъ, а знаетъ ли про все это бабушка? Оказалось, бабушка все это знала.

Повторяю, ужасно тяжело было смотрѣть на погибающаго Копылкова, но еще тяжелѣе было размышлять о немъ, когда (это мѣсяца чрезъ два, послѣ описаннаго) огласилось, что Копылкова уличили въ кражѣ денегъ. Онъ сломалъ кружку у одной часовни, но городовые увидѣли это. Копылковъ хотя и убѣжалъ, но былъ узнанъ, городовые по слѣдамъ пришли въ домъ сердобольной бабушки. Бабушка упорно отрицала фактъ воровства, но похищенное нашли въ ея домѣ. По опредѣленію суда, Копылковъ до совершеннолѣтія, оставленъ на порукахъ.

Тяжело и обидно видѣть на скамьѣ подсудимыхъ того, кого можно было бы еще спасти!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. І. Молебновъ.

ПИСЬМА С. А. РАЧИНСКАГО КЪ Г. А. ТОЛСТОМУ.

(Продолженіе) ¹⁾.

59.

Татеве, 13 іюля 1901 г.

Милый другъ Егоръ,

Промедленіе въ вызовѣ тебя на испытанія тягостно и скучно, но оно имѣетъ ту хорошую сторону, что дастъ тебѣ возможность серьезно приготовиться. Не сомнѣваюсь, что возможностью этою ты пользуешься. Это для тебя—дѣло первостепенной важности.

На дняхъ получилъ я письмо отъ Преосв. Сергія (нынѣ викарнаго въ Черниговской епархіи—епископа Новгородъ-Сѣверскаго). Онъ спрашиваетъ, не желаешь ли ты священническаго мѣста въ Черниговской епархіи? Я отвѣчаю, что тебѣ предложено мѣсто въ Саратовской, но что если тамъ встрѣтятся затрудненія, ты обратишься къ нему.

И такъ, не унывай. Я впрочемъ увѣренъ, что въ концѣ концовъ тебя вызовутъ въ Саратовъ. Можешь даже ускорить этотъ вызовъ, сообщивъ княгинѣ, что тебѣ предлагаютъ мѣсто въ Черниговской епархіи.

Да хранить тебя Богъ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

60,

Татеве, 19 августа 1901 г.

Милый другъ Егоръ,

У меня до тебя просьба, и очень серьезная.

Переговори съ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ (иконописцемъ—бывшимъ регентомъ въ домѣ Призрѣнія).

Не согласится ли онъ пріѣхать ко мнѣ, поселиться въ Татевской школѣ, взять на себя управленіе нашимъ хоромъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обученіе

иконописи небольшого количества учениковъ?

Полагаю, что ты можешь объяснить ему правдиво и точно, что такое Татевская школа, и что я за человѣкъ. Ты можешь даже, зная близко и меня и его, сообразить напередъ, можемъ ли мы ужиться и сжить-ся между собою.

Дѣло въ томъ, что мнѣ необходимъ помощникъ-регентъ зрѣлыхъ лѣтъ, постоянный. Алеша, какъ ты знаешь, женился и оставляетъ меня. Антонъ, коего я имѣлъ въ виду, также получилъ прекрасное самостоятельное мѣсто. Да и вообще всѣ мои юные учителя, женившись, по складу Татевской школы, вынуждены меня оставлять... А пѣніемъ, какъ ты знаешь, дорожу чрезвычайно—и давно мечтаю объ устройствѣ при школѣ маленькой иконописной мастерской.

Въ подробности условій пока не вхожу. Скупиться не буду. Узнай, въ случаѣ если предложеніе мое понравится—какое жалованіе желалъ бы получать Ѳеодоръ Сергѣевичъ.—Времени свободнаго конечно у него будетъ много; будутъ и заказы.

По возможности—не медли отвѣтомъ.

С. Рачинскій.

61.

Татеве, 4 октября 1901 г.

Милый другъ Егоръ,

Въ отсрочкѣ твоего переселенія въ Зубриловку большой бѣды не вижу. Во всякомъ случаѣ въ высшей степени желательно, чтобы ты предварительно познакомился хорошенько съ хозяевами Зубриловки. Вѣдь отъ нихъ, въ значительной мѣрѣ, будетъ зави-

¹⁾ См. № 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 20.

сѣть вся твоя будущая жизнь, и спѣться напередъ необходимо.

Долгое ожиданіе перемѣны судьбы—конечно скучно. Остается тебѣ только пользоваться этимъ скучнымъ временемъ, чтобы дополнить твое приготовленіе къ іерейскому званію.

Зубриловка, конечно, не пощажена общимъ бѣдствіемъ приволжскаго края—голодомъ. Положеніе сельскихъ священниковъ въ этомъ краѣ въ настоящее время въ высшей степени отвѣтственно и трудно. Имѣй это въ виду въ случаѣ, если попадешь на мѣсто въ теченіе этой зимы,—и если это сбудется—не жалѣй твоихъ трудовъ.

Сегодня у насъ начинается ученіе. Еще не всѣ ребята собрались. Но уже оказалось, что прошлогодніе новички за лѣто стали читать лучше—что дѣлаетъ честь и имъ, и Сашѣ.

Впрочемъ, новаго у насъ ничего. Здоровье мое сносно. Погода стоитъ чудесная, сухая и ясная.

Да хранить тебя Богъ.

С. Рачинскій.

62.

Татеву, 30 ноября 1901 г.

Милый другъ Егоръ,

Не совсѣмъ понимаю твоихъ недоумѣній на счетъ предложеннаго тебѣ мѣста. Вѣдь духовно-нравственное назиданіе паствы пастыремъ—не есть прихоть кн. Голицыной, а—самая сущность священства, къ коему, полагалъ я, ты исподоволь готовишься.

Далѣе. Тебѣ, какъ вышедшему изъ крестьянской среды, болѣе чѣмъ кому-либо должно быть извѣстно, что въ этомъ назиданіи главную роль совсѣмъ не играетъ богословское образованіе пастыря, а чистота его жизни, и дѣятельная любовь къ пасомымъ, и къ святому дѣлу, возложенному на пастыря Богомъ.... Неужели

этой любви ты не чувствуешь въ себѣ? Неужели тебя не тянетъ къ дѣятельности болѣе серьезной и широкой, чѣмъ участіе въ богослуженіи и обученіи дѣтей, воспитаніе коихъ лишь въ ограниченной мѣрѣ зависитъ отъ тебя?

О предлагаемомъ тебѣ приходѣ ты даже не сообщалъ мнѣ самого важнаго. Есть-ли въ немъ сектанты? Какіе?—И въ этомъ отношеніи, ты находишься въ условіяхъ самыхъ блаприятныхъ. Съ расколомъ ты наглядно знакомъ съ дѣтства. У тебя, въ лицѣ Субботина, подъ руками самый лучший руководитель. Разумѣется, придется еще почитать, поучиться. Но кому въ твой лѣта это не нужно?

Итакъ, подумай хорошенько, прежде чѣмъ отказать. И почему ты думаешь, что кн. Голицына, такъ полюбившая нашего весьма недалекаго Николыча, не полюбитъ точно такъ же и тебя, если увидитъ въ тебѣ искреннее рвеніе къ своему дѣлу? Последнее, конечно, во всякомъ случаѣ необходимо, и мнѣ было бы больно думать, что ты къ этому не способенъ...

Да хранить же тебя Богъ и настаивать, какъ поступить.

Посоветуйся съ о. Варнавою!

Любящій тебя

С. Рачинскій.

63.

Татеву, 9 Янв. 1892 г.

Милый другъ Егоръ,

Я увѣренъ, что молчаніе княгини Голицыной отнюдь не означаетъ перемѣны въ ея намѣреніяхъ: если бы она передумала, она *непретѣнно* бы тебѣ написала.

Что-то дѣлается въ семинаріи? Утихли-ли тамъ страхи? Въ головахъ нашихъ ребятъ я нашель порядочный сумбуръ. Несчастный Леоновъ еще не пристроенъ, но есть надежда прикомандировать его въ качествѣ учи-

тельскаго помощника въ школѣ при Красногородскомъ монастырѣ. Не можетъ-ли Семень похлопотать о высылкѣ его бумагъ?

Получилъ восторженные письма отъ Саши и отъ его невѣсты. Обрученіе совершилось 29 Дек.; время брака еще не опредѣлено.

У насъ началось ученіе, и три дня прогостили два учителя изъ Московской губерніи. Прасковья Тимофеевна еще не замѣнена, и замѣнить ее будетъ трудно.

Кое-какъ дотягиваю эту зиму, которая, конечно, — послѣдняя моего ученія.

Полагаю, что еще писать тебѣ княгинѣ нѣтъ нужды, а слѣдуетъ ждать, чтобы она написала тебѣ.

Обнимаю тебя отъ души

С. Рачинскій.

64.

Татево, 11 Апр. 1892 г.

Милый другъ Егоръ,

Хіртось воскресе!

Вижу изъ твоего письма, что Княгиня Г. почему-то раздумала хлопотать о назначеніи тебя священникомъ въ ея имѣніе—и что ты этому, почему-то, радъ. Если такъ, не совѣтую тебѣ пускаться въ письменное вывѣдываніе причинъ, измѣнившихъ рѣшеніе княгини. Ты этимъ только ей надоѣшь, а не можешь выиграть ничего.

У насъ все по старому. Здоровье мое очень плохо. Почти всю Святую я провалялся. Дай Богъ справиться съ Маемъ, въ теченіи коего мнѣ предстоитъ 14 экзаменовъ.

Съ самаго дня Пасхи у насъ стоитъ погода совершенно весенняя. Снѣгъ исчезъ, но дороги еще непроходимыя.

Да хранить тебя Богъ. Кланяюсь Софѣ Михайловнѣ.

С. Рачинскій.

65.

Татево, 15 Іюн. 1892 г.

Милый другъ Егоръ,

Вижу изъ твоего письма, что дѣло съ княгинею Г. еще далеко не окончено, а еще остается въ запасѣ. Что-жъ! Нужно о немъ молчать, а къ священству готовиться, не потому, что тебѣ предстоитъ именно это мѣсто, а потому, что ты—діаконъ, а діаконство есть преддверіе священства.

У насъ—ничего новаго. Вчера приѣхалъ Сергій съ Денисомъ, сегодня—Ваня Цыгановъ. Живописцы усердно работаютъ, пчелы роятся, я учу ребятъ и копаюсь въ огородѣ, здоровье мое плохо, но развѣ можетъ оно быть хорошо въ мои лѣта и при моемъ образѣ жизни?

Да хранить тебя Богъ.

С. Рачинскій.

66.

Татево, 15 Окт. 1892 г.

Милый другъ Егоръ,

Не понимаю, почему ты винишь о. Германа въ исключеніи Дениса, вполне имъ заслуженномъ (всѣ обстоятельства дѣла мнѣ извѣстны). Не понимаю также, чего ты ожидаешь отъ меня. Случившагося не измѣнить. Не знаю, возможно-ли поступленіе Дениса въ другую семинарію, но во всякомъ случаѣ оно не желательно, и хлопотать о немъ не стану. Умножать число пьянствующихъ священниковъ я не намѣренъ; ихъ и безъ того слишкомъ много. Полагаю, что для Дениса всего умѣстнѣе предстоящая ему военная служба.

Относительно Преосв. Сергія долженъ предупредить тебя, чтобы ты не слишкомъ надѣялся на его обѣщанія. Вотъ—его опять перевели на должность временную—въ Архангельскъ. Боюсь, что онъ никогда не достигнетъ самостоятельной каѳедры...

Во всѣхъ моихъ школахъ началось ученіе. Я временно сижу въ домѣ у сестры—ибо меня расшибли лошади, и страдаю головокруженіемъ и слабостію.

Да хранить тебя Богъ.

С. Рачинскій.

67.

Татеву, 27 Ноябр. 1892 г.

Милый другъ Егоръ,

Денисъ попалъ въ солдаты. Къ сожалѣнію, ему до сихъ поръ не выслали изъ семинаріи его бумагъ, которыя ему теперь нужны для установленія его льготы.

Продолжаю думать, что лучшаго съ нимъ ничего не могло случиться. Ни священника, ни учителя, изъ него выкроить невозможно. Твое предположеніе, что изъ него могъ-бы выйти *ученый*, просто смѣшно. У него прекрасныя способности, но онъ лишень всякой любознательности (какъ большинство крестьянскихъ мальчиковъ,

попадающихъ въ средне-учебныя заведенія). Интересуетъ его только журнальная дребедень. Изъ такихъ людей выходятъ вздорные болтуны, а не ученые.

Но главный его недостатокъ—не способность подчиняться какому-бы то ни было порядку, отсутствіе всякаго самообладанія. И тотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ лишь строгою дисциплиною, которая и составляетъ воспитательную силу военной службы.

Расположеніе къ тебѣ Преосв. Сергія можетъ тебѣ пригодиться, но не прежде, чѣмъ онъ осядетъ гдѣ-нибудь самостоятельнымъ епископомъ. Будемъ надѣяться, что онъ въ Архангельскѣ будетъ вести себя осторожнѣе, чѣмъ въ Казани, Самарѣ и Черниговѣ, и на конецъ получить прочное назначеніе.

Да хранить тебя Богъ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

16 Сентября. Съ перваго же года моего поступленія на должность учителя церковной школы въ село Абашево, зараженное расколомъ (бѣглопоповщинская секта), я интересовался жизнью раскольниковъ, изучалъ ихъ отношенія къ Православію и вновь открытой, ц.-п. школѣ. Раскольники не могли, конечно, не замѣтить этого: „Потолкуемъ что-ли по душѣ“, говорятъ они мнѣ, бывало, и это „по душѣ“ означаетъ тихую задушевную бесѣду, безъ криковъ, горячности и рѣзкихъ

возраженій. Мирное расположеніе, которое старался я поддерживать съ раскольниками и хладнокровные съ ними разговоры о предметахъ вѣры были главною причиною тому, что я при помощи Божіей начинаю завоевывать расположеніе къ себѣ этихъ отпадшихъ моихъ собратій. Одинъ изъ раскольниковъ предложилъ даже мнѣ квартиру, когда я бродилъ по селу, отыскивая ее. Для меня специально даже отвелъ онъ крохотную комнату со столикомъ, гдѣ никто не мѣшаетъ мнѣ заниматься своими дѣлами.

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 17.

И такъ, нынѣшній учебный годъ Богъ приводитъ мнѣ жить посреди раскольниковъ и ближе соприкасаться съ ними, а это для меня не маловажное дѣло.

25 Сентября. Хозяинъ мой содержать чайную лавку. Раскольники въ изобиліи посѣщаютъ ее. Живу и лажу я съ ними превосходно. Они любятъ гуторить со мною и часто просиживаютъ часовъ до 11 вечера. Начетчики вступаютъ со мною въ бесѣду о „вѣрѣ“, а прочіе слушаютъ. Бесѣды наши отнюдь не имѣютъ характера горячихъ споровъ и преній, нѣтъ, это просто тихіе, хладнокровные разговоры въ вопросо-отвѣтной формѣ. Такъ совѣтуютъ вести бесѣды съ раскольниками лучшіе православные миссіонеры. Старопечатными книгами пользуюсь я изъ мѣстной единовѣрческой церкви.

3 Октября. Сегодня на урокъ русскаго чтенія была предложена мною ученикамъ старшаго отдѣленія прекрасная по своему содержанію статья „Бѣдный Гнѣдко“, изъ книги Радонежскаго. Объяснивъ ученикамъ сущность статьи, направленной противъ жестокаго обращенія съ животными, я спросилъ мальчиковъ:

— „Не видѣлъ-ли кто либо изъ васъ случая, подобнаго описанному?“

Одинъ изъ школьниковъ быстро поднялъ руку.

— „Видѣлъ?“ спросилъ я его.

— „Видѣлъ, да не такой, какой здѣсь описывается“, отвѣтилъ мальчикъ.

Я попросилъ его рассказать.

— „Тогда я былъ еще совсѣмъ маленькій“, началъ ученикъ: „мнѣ было всего лѣтъ пять или шесть. Около насъ жилъ одинъ сосѣдъ, который теперь уѣхалъ на сторону. Онъ былъ человѣкъ сердитый, любилъ пить вино и пьяный много буянилъ

въ своемъ домѣ. Его всѣ у насъ такъ и звали тираномъ. Особенно надругался онъ надъ своей женою, билъ и мучилъ ее немилосердно. Дѣтей же у этого мужика не было: помирали. Жилъ онъ бѣдно: не имѣлъ ни лошади, ни коровы, ни овецъ, только и имущества было у него—разваливающая избенка съ такимъ же дворомъ, да собака, Жучкой звали. Одинъ разъ эта собака опрокинула у него четверть вина, а мужикъ самъ былъ въ это время пьяный. Осердившись на собаку, онъ поймалъ ее, завязалъ ей веревкой ротъ, чтобъ не визжала, привязалъ за заднія ноги къ цѣпи на дворѣ, взялъ ножъ и началъ снимать съ нея кожу прямо съ живой... А мы—ребятишки видѣли это сквозь худой плетень двора. Какъ эта бѣдная собака визжала, скалила и изгибалась! просто глядѣть было жалко... Мы закричали что-то, пьяный мужикъ услышалъ и бросился за нами, оставивъ собаку. Мы разбѣжались въ разныя стороны, и я не знаю что—было съ этою собакою потомъ. Говорили тогда, что мужикъ такъ и замучилъ ее до смерти, всю исказнивъ ножомъ“.

Мальчикъ кончилъ свой дѣйствительно печальный рассказъ, отъ котораго у меня даже мурашки забѣгали по тѣлу.

— „Ну а хорошо поступилъ этотъ мужикъ?“ спросилъ я мальчиковъ. Въмѣсто отвѣта дѣти грустно улыбнулись.

Вотъ какія штуки приходится слышать!

Много, много работы тебѣ, дорогая школа! Изобильно и щедро сѣи свои благія сѣмена на почву сердецъ народныхъ, сѣи и надѣйся, что эти сѣмена дадутъ и ростки, а ростки со временемъ принесутъ добрые плоды.

15 Октября. Сегодня я кончилъ чте-

ніе книги „Основное догматическое Богословіе“, которую далъ мнѣ одинъ знакомый священникъ. Кромѣ того, прочелъ нѣсколько критическихъ статей, направленныхъ противъ лжеученія современнаго писателя Льва Толстого. Хотя и раньше я кое-что слышалъ про послѣдняго отъ разныхъ лицъ, но за неимѣніемъ подъ руками ни его произведеній, ни печатныхъ отзывовъ о немъ, я не могъ составить себѣ яснаго представленія объ этомъ писателѣ и объ его произведеніяхъ. Онъ былъ въ моемъ воображеніи тѣмъ же, чѣмъ и его собраты по перу: Тургеневъ, Островскій, Достоевскій, Гоголь и другіе писатели, съ произведеніями которыхъ я все таки знакомъ.

Говорятъ, что Толстой въ первые годы своей литературной дѣятельности дѣйствительно пошелъ было по тому же самому пути, который протоптанъ былъ его предшественниками и современниками по перу, пошелъ и, благодаря колоссальности своего таланта, выразившагося въ художественной отдѣлкѣ нѣкоторыхъ произведеній, плѣвившихъ умы многихъ, скоро затмилъ даже славу лучшихъ своихъ собратовъ по литературѣ и получилъ лестное названіе „великаго писателя Русской земли“, художника русскаго слова. Всѣ признали въ немъ большой умъ, недюжинный талантъ и окружили ореоломъ всемірной славы.

Но, очевидно, не удовольствовался графъ титулами великаго писателя и художника слова: онъ задумалъ къ этимъ почетнымъ названіямъ присоединить еще болѣе почетныя, а для сего ему нужно было совершить что нибудь такое, болѣе выдающееся, чѣмъ литературныя произведенія, о чемъ заговорилъ бы весь міръ, вся подсолнечная. И вотъ прославленный писатель дѣлаетъ полуоборотъ на лѣво и

уклоняется въ сторону отъ того пути, по которому шелъ ранѣе: писатель-беллетристъ превращается въ философа и берется за разрѣшеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ, тяготящихъ человѣчество (разумѣется не все человѣчество, а только тѣхъ людей, которые оставили откровеніе Божіе)... Одновременно съ этимъ онъ принимаетъ на себя великую и отвѣтственную роль учителя жизни, проповѣдника истины и новаго пророка, каковымъ его и считаютъ многіе изъ современниковъ, падкихъ до всего новаго.

Весь міръ узналъ о принятіи этой роли Толстымъ и насторожился, приклонилъ ухо во еже слышати, да слышити. И вотъ раздались глаголы чаемаго ученія прославленнаго писателя-философа; шумными потоками полились они изъ Ясной Поляны сначала по Русской землѣ, а потомъ и во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Многіе тысячи людей поспѣшили утолить потоками этихъ глаголовъ свою духовную жажду, успокоить сомнѣвающееся сердце и найти разрѣшеніе и отвѣты на мучительные вопросы жизни. Но, къ величайшему огорченію многихъ, потоки эти не были успокоивающими и утоляющими духовную жажду человѣчества, а напротивъ — они оказались отравленными губительнѣйшимъ ядомъ для души и для тѣла: многіе, напившись изъ этихъ потоковъ, быстро погибали въ мучительныхъ агоніяхъ отчаянія, другіе благоразумно и во время быстро отошли отъ этихъ потоковъ яда, третьи и совершенно не подходили къ нимъ, ибо руководствовались словами своего Спасителя: „жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да пьетъ“.

Сущность же своего лжеученія Толстой излагаетъ между прочимъ въ заповѣдяхъ:

- I. Не противься злу,
- II. Не сердись,
- III. Не судись,
- IV. Не клянись,
- V. Не развратничай.

Соблюдая эти „заповѣди“ можно быть, по нему, истиннымъ хрістіаниномъ даже тогда, когда совсѣмъ ничего другого не знаешь объ ученіи Хріста.

А все таки графъ проповѣдуетъ „хрістіанство“, но это названіе, священнѣйшее изъ всѣхъ именъ и названій подъ небесемъ, набрасываетъ Л. Н. на собственныя „заповѣди“ и „правила для жизни“, какъ шкуру кроткаго агнца на лютѣйшаго и опаснѣйшаго волка, какъ красивую оболочку для гроба, наполненнаго заразительными нечистотами и газами разлагающагося человѣческаго трупа.

Святѣйшее имя Богочеловѣка новый Яснополянскій лжепророкъ богохульно унижаетъ, называя Хріста ничимъ евреемъ, котораго... повѣсили, изрыгая и другія хулы, о нихъ же срамно есть и глаголати, на все дорогое и священное для хрістіанина. Отвергнувъ богопочтеніе, отрицая домостроительство нашего спасенія, графъ стремительно обрушается и на источникъ этого спасенія—Церковь Бога Жива, которая есть столпъ и утвержденіе истины, Самимъ Господомъ основанную, Апостолами распро­страненную, Іерархами украшенную, святыми, ихъ же не бѣ достойнъ весь міръ, прославленную и мученическою кровію запечатлѣнную. Обрушился и вознамѣрился разорить это чудное зданіе Божественной премудрости, зданіе крѣпкое и вѣчное, камни котораго положены на рубинъ и основанія сдѣланы изъ сапфировъ, ворота изъ жемчужинъ и вся ограда—изъ драгоценныхъ камней (Исаи 54 гл. 11—12 ст.),

верхнія чертоги котораго, пройдя неизмѣримое пространство тверди небесной, возвысились и тамъ, среди свѣтоносныхъ областей горняго міра, содѣлавшись обиталищемъ безплотныхъ душъ святыхъ, скиніею Божіею съ человѣки, столицею Царя Славы, Іерусалимомъ небеснымъ, центромъ безконечнаго неизреченнаго блаженства. Вотъ на какое святѣйшее изъ святѣйшихъ посягнулъ отуманенный земною славою жалкій умъ человѣка. Неслыханная дерзость! Невстрѣчавшееся въ лѣтописяхъ всемірной исторіи богохуленіе!

Но безумство и несбыточность намѣреній современнаго лжефилософа очевидна: *како можетъ кто внити въ домъ крѣпкаго и сосуды его расхитити, аще не первѣе свяжетъ крѣпкаго и тогда домъ его расхититъ?* (Матѣ. гл. 12, ст. 29). Великій же старецъ тѣломъ, несмысленный же младенецъ умомъ, пытается войти въ домъ Господа Силь и... связать Его... Но это уже походить на то, какъ если бы малѣйшій червячекъ задумалъ связать и обезоружить льва, отъ рычанія котораго потрясается пустыня. Да и это сравненіе безсильно для выраженія борьбы твари съ ея Творцомъ. Его побѣдительная Десница боголѣпно въ крѣпости прославилась; Господь побѣждаемъ не былъ, не бываетъ и не будетъ. Поэтому-то Спаситель, какъ чадолюбивый отецъ, и предупреждалъ Своихъ послѣдователей отъ пагубнаго яда лжеученій ложныхъ учителей и пророковъ, говоря: *Внемлите же отъ лжевыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овечьихъ, внутрь же суть волцы хищницы: отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѣ. гл. 7, ст. 15—16).

Къ подобнымъ лжепророкамъ принадлежитъ и нашъ лжефилософъ Тол-

стой. Плоды его лжеученія, говорятъ, весьма пагубны, и многіе вкусили уже этихъ ядовитыхъ плодовъ, вкусили и погибли. Говорятъ и пишутъ, что толстовскими идеями заражена уже значительная часть интеллигенціи (которая, кстати сказать, я слышалъ, въ дѣлахъ вѣры не можетъ отличить правой руки отъ лѣвой, т. е. не знаетъ хорошенько основныхъ началъ христіанскаго богословія и религіи), а послѣднія проводятъ ихъ и въ простой народъ, что, конечно, опаснѣе всего. Но, благодареніе Господу за то, что Онъ по Своему неизреченному милосердію не оставляетъ насъ въ такія години испытаній и соблазна, посылая намъ мудрыхъ руководителей и наставниковъ въ лицѣ нашихъ просвѣщенныхъ іерарховъ и архипастырей, слова и поученія которыхъ, печатающіяся въ духовныхъ журналахъ и произносимыя съ церковныхъ кафедръ, благотворно вліяютъ на миллионы душъ христіанъ и предупреждаютъ ихъ отъ ложныхъ мудрованій графа и его клеветовъ.

Необходимо и намъ, церковно-приходскимъ учителямъ ознакомляться съ лжеученіемъ графа и ему подобныхъ, но при этомъ необходимо читать и критику, разоблачающую это лжеученіе и срывающую съ него овечью шкуру и поваленный покровъ, дабы это лжеученіе не заразило насъ неопытныхъ и малосвѣдущихъ, дабы и мы, при мудрыхъ и здравыхъ разоблаченіяхъ этого лжеученія критикой, увидали весь его ядъ, всю пагубную отраву и не только-бы сами не вкусили плодовъ его, но предупредили-бы отъ сего и простой народъ, близко съ нами соприкасающійся.

20 Октября. Продолжаю читать кое-гдѣ раздобытыя книженки. Сейчас предо мною лежитъ почти уже про-

читанная мною книга „Дневникъ русскаго путешественника по Европѣ“, Зилова. Авторъ уноситъ читателя въ западныя государства, начиная отъ нашего Кронштадта. Читалъ я и ранѣе подобныя книги о путешествіяхъ, но Зиловъ понравился мнѣ болѣе всѣхъ. Не потому, чтобы онъ описывалъ лучше другихъ тѣ или другіе виды, города, достопримѣчательности и т. п., а потому, что главное достоинство его книги въ томъ, что, вопреки прочимъ путешественникамъ, онъ тамъ, гдѣ у другихъ я видѣлъ слова: природа, случай, игра природы и др. т. п., писалъ: „Богъ!“

Да, подобныя книги нравятся мнѣ до безконечности, и я желалъ бы прочесть ихъ побольше, да жалъ, что достать негдѣ. А чтеніе намъ необходимо: оно пополняетъ наше образованіе и развиваетъ умъ и рѣчь, только въ выборѣ книгъ надо имѣть большую осторожность: есть книги, которыя питаютъ нашъ умъ, сердце и душу, а есть и такія, которыя отравляютъ въ насъ это и вмѣсто чаемой пользы, приносятъ смертельный ядъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно встрѣтить прекрасныя описанія красотъ необъятной вселенной, но эти описанія постоянно испещряются атеистическими терминами, въ родѣ слѣдующихъ: природа создала, природой устроено, творческая сила природы и т. п. Но и это еще только намеки на отрицаніе Бога, а то встрѣчаются и такія книги, авторы которыхъ прямо утверждаютъ, что Бога нѣтъ. Вотъ, напр., какія слова выражаетъ въ своемъ сочиненіи одинъ знаменитый ученый: „съ телескопомъ своимъ я побывалъ во всѣхъ уголкахъ вселенной и не видѣлъ нигдѣ Бога“ (Лапласъ); другіе, отвергнувъ Божественное откровеніе о сотвореніи міра и человѣка, стараются изложить свои

теоріи, по которымъ будто-бы могъ образоваться міръ и безъ творческой силы Господа (Кантъ), а человѣка учать считать своимъ праотцемъ.. обезьяну, отъ которой будто-бы произошелъ человѣкъ путемъ постепеннаго усовершенствованія или есте-

ственного подбора (Дарвинъ). Книги этого рода несомнѣнно для насъ, малопросвѣщенныхъ, не могутъ принести пользы. Они могутъ даже отравить нашъ умъ и сердце пагубнымъ невѣріемъ.

Учитель Е. Куликовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСѢВЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXI.

Какъ незамѣтно растетъ школа душу дѣтскую.—Какъ бывшіе „Хвельки“ становятся „людьми“.—Какъ быстро школа перевоспитываетъ маленькихъ „дикарей“.—Горькіе примѣры одичалости народа, непроевѣщеннаго вліяніемъ школы.—Старые и новые дѣдушки.

Постоянно имѣя на виду своихъ близкихъ, мы обыкновенно совѣмъ не замѣчаемъ, какъ быстро, не по днямъ, а часамъ—подростають дѣти, мужають юноши, старѣють и сѣдѣють взрослые. Но стоить только отлучиться на сколько-нибудь продолжительное время отъ среды „своихъ“, не видать ихъ подольше, какъ всѣ измѣненія возрастовъ выступаютъ съ поразительною очевидностію: крошечные младенцы, весь день проводившіе въ люлькѣ, оказываются неугомонными шалунами и бѣгунами, въ глазахъ свѣтится своеобразный умокъ и святая невинность, когда-то пустой ротикъ усаженъ двумя рядами жемчужно-бѣлыхъ зубовъ и т. под. Малые отроки выступаютъ совершенными молодцами, съ зачатками усовъ, съ бойкимъ всесторонне-способнымъ умомъ, идеальными порывами и серьезными требованіями къ жизни. Бывшіе юноши оказываются оженившимися и остепенившимися мужами и отцами, которымъ малые усики едва не позоръ. Наконецъ, съ удивленіемъ замѣчается, что оставленные въ среднемъ человѣческомъ

возрастѣ сильно старѣють, сѣдѣють, хирѣють или—что уже совѣмъ печально—и совѣмъ оказываются отсутствующими на землѣ живыхъ.

Нѣчто подобное наблюдается въ измѣненіяхъ духовнаго роста человѣка: доступность постоянному наблюденію постепеннаго развитія дѣтской души совершенно закрываетъ отъ глазъ наблюдателя рѣзкую разницу между прошедшимъ и настоящимъ, и только особо подчеркнутая—эта разница становится очевидною до удивительной поразительности.

Слѣдующіе любопытные картинки школьной жизни могутъ быть представлены поучительными примѣрами этого и, вмѣстѣ съ этимъ, справедливо должны быть поставлены въ поощреніе и похвалу школъ, дѣлающей изъ человѣка *человѣка*. „Записки о сельской школѣ“ Новикова (бывшаго земскаго начальника) приводятъ слѣдующую картину: Стоитъ предъ вами мальчикъ босикомъ, не смотря на грязную осень, въ рваной шубѣ, чрезъ которую въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣется почернѣвшая отъ грязи посконная рубашка, безъ

шапки, съ копной нестриженныхъ бѣлокурыхъ волосъ на головѣ; лицо и руки грязныя, невымытыя и красныя отъ холода; пальцы одной руки не то въ носу, не то во рту; другая рука старается почесать спину, но оказывается коротка. Такая группа стоитъ предъ учителемъ, какъ по командѣ, разиня ротъ.

— Ну ты, скажи, — спрашиваетъ учитель, какъ тебя звать?

— Хведька, — слышимъ голосомъ и иногда шопотомъ отвѣчаетъ мальчишка.

— А сколько тебѣ лѣтъ, Одея?

Мальчишка молчитъ. Руки его, гдѣ были, останавливаются. Ротъ еще больше открывается. Не моргая, онъ все смотритъ на учителя.

— Яму девять годовъ, — вставляетъ зади стоящій, побольше и уже ходившій въ школу.

— А знаешь, Одея, гдѣ у тебя правая рука, гдѣ лѣвая?

Одея правую руку отъ спины отнимаетъ, смотритъ на нее, перебираетъ пальцами, понимая, что дѣло идетъ объ этой рукѣ, но чего собственно добиваются отъ него, онъ въ толкъ не возьметъ.

Проходить нѣсколько лѣтъ, составляющихъ, если считать дни, проведенные Одей въ школѣ, можетъ быть полтора—два хорошихъ учебныхъ года, нашъ замарашка является на экзаменъ. Онъ одѣтъ бѣдно, часто въ лаптяхъ и посконной рубахѣ, но по возможности чисто; онъ остриженъ подъ гребенку; онъ бодро выступаетъ къ экзаменаціонному столу, кланяется и прямо, не смущаясь, смотритъ въ глаза тому, кто предлагаетъ вопросы; отвѣчаетъ громко; держится просто; рукъ къ лицу не поднимаетъ. Оказывается, совсѣмъ другой мальчикъ, созданный по образу и подобию Божію.

Могущественно вліяніе на крестьянскаго мальчика даже нашей убогой школы. Облагораживающее вліяніе школы, дающей дѣйствительно образъ и подобіе Божіе уча-

щимся, будетъ еще величественнѣе, если въ вышенабросанную картину добавимъ, съ одной стороны, такіе штрихи, какъ неумѣнье произнести правильно имя святое Того, чей образъ носить замарашка, а съ другой—умѣнье того же замарашки не только правильно молиться, имя святое произносить, но и читать и пѣть по божественному, и въ храмѣ Божіемъ, разумно, сознательно понимать, что нужно ему дѣлать и какъ дѣлать, какъ относиться къ отцу и матери, батюшкѣ и церкви Божіей. А это вліяніе идетъ отъ убогой церковной школы, къ тому же подвергающейся самымъ удивительнымъ нареканіямъ.

Вотъ другая картинка—тоже прямо съ натуры. Въ 10 верстахъ отъ одной славной обители, на большой дорогѣ, расположена большая деревня. До 1901 года въ ней не было никакой школы. Ближайшая земская—находилась въ 5 верстахъ. Почти никто изъ дѣтей этой деревни туда и не ходилъ. Въмѣсто школы дѣти жили уличными шалостями. Выбѣгали на шоссе, старались испугать лошадей, выкрикивали вслѣдъ проѣзжающихъ разныя насмѣшки, травили ихъ собаками и т. п. Если посторонній, незнакомый имъ человекъ подходилъ къ нимъ—они убѣгали и прятались. Словомъ это были какіе-то дикари. Но вотъ два года назадъ святая обитель устроила около этого селенія церковно-приходскую школу. По воскреснымъ днямъ ведутся здѣсь не только зимою, но и лѣтомъ религіозныя собесѣдованія. Народъ полюбилъ и школу, и эти собесѣдованія. Дѣтишекъ теперь не узнаешь. Далекъ за деревней встрѣчаютъ они иноковъ-собесѣдниковъ радостными криками: „здравствуйте, здравствуйте!“ Тѣсною толпою, человекъ въ 50—70, они окружаютъ ихъ во время бесѣды. Тутъ не только учащіяся: тутъ и малыши лѣтъ пяти—шести, не желающіе отстать отъ своихъ братишекъ и сестреночекъ. Изъ бесѣды они, конечно, ничего не могутъ понять; но имъ

нравится необычная обстановка: пѣніе, служеніе молебна, ласковость обращенія съ ними со собесѣдниковъ, которые одѣляютъ ихъ послѣ бесѣды иногда гостинцами въ видѣ яблока, пряника или дешевой конфетки... Можетъ быть со стороны малышей это и не безкорыстно, да Богъ съ ними! Святитель Тихонъ Задонскій одѣлялъ же дѣтокъ яблоками за то, что тѣ ходили къ обѣднѣ... За то сколько радости-то тутъ бываетъ, сколько благодарности со стороны ихъ отцовъ и матерей! А недавніе „дикари“ уже украшаютъ бесѣды эти своимъ пѣніемъ, и даже помогаютъ собесѣдникамъ, прочитывая небольшіе рассказы, заранѣ имъ указанные и ими подготовленные. И это несказанно радуется родителей, отъ всей души выражающихъ благодарность свою и школѣ, и святой обители, устроившей школу. Теперь нѣтъ и помину о прежнихъ уличныхъ безобразникахъ. И все это школа сдѣлала въ два года!

Не менѣ любопытные матеріалы находимъ въ книжкѣ „Къ Свѣту“ о Г. Петрова. — Въ прошломъ году (пишетъ онъ) предъ Рождествомъ, инспекторъ народныхъ училищъ, производя обычную ревизію, задалъ въ Левочской школѣ на урокъ закона Божія такой вопросъ: „кто знаетъ молитву Святому Духу?“ Дѣти затруднились. При повтореніи вопроса одинъ изъ наиболѣ смѣлыхъ мальчиковъ всталъ и сказалъ: „я знаю“. — „Прочитай!“ предложилъ инспекторъ. И вотъ мальчикъ, не переводя духа, прочиталъ: „Отъ Духа Святова есь на мнѣ печать Христова, Спасова рука—животворящій Крестъ. Врагъ-сатана! отступись отъ меня за трои двери, за четыре креста. Есть у Бога Христа три листа. На первомъ листѣ мать, Пресвета Богородица, на второмъ листѣ самъ Иисусъ Христосъ, на третьемъ листѣ самъ Богъ крестомъ благословляетъ, врага прочь отгоняетъ“. Оказалось, что этой молитвѣ научила его мать.

„Какъ видно, крестьяне не умѣютъ даже молиться. И только благодаря тому, что туда не заглядываютъ ни расколоучители, ни сектанты, тамъ нѣтъ ни раскола, ни секты.“

„На ряду съ вѣрой въ Бога, Богородицу и святыхъ, у крестьянъ существуетъ вѣра и въ нечистую силу, въ домовыхъ, дворовыхъ, водяныхъ, русалокъ, лѣшихъ, въ колдовство, въ переселеніе душъ и въ судьбу.“

Какъ хотите, а ужасно читать такіа рѣчи о народѣ, который уже справлялъ девятисотлѣтній юбилей своего крещенія. Грустно бываетъ смотрѣть на запущенную барскую усадьбу: рѣдкія плодовые деревья одичали, садъ заросъ бурьяномъ, репейникомъ; поля покрыты порослью, кустарникомъ. Что же сказать, когда видишь, какъ запущена, огрубѣла, одичала жизнь цѣлыхъ сотенъ и тысячъ деревень? И пусть бы народъ глухъ былъ къ Божьему слову, не стывался на добрый призывъ! А то вѣдь религіозности въ народѣ непочатый край“... (стр. 24—25).

Но вотъ и для него блеснулъ этотъ свѣтъ. Съ благословеннаго царствованія Александра II, Царя-Освободителя, стали въ нашемъ отечествѣ все болѣе и болѣе открываться и распространяться школы земскія. Много добра и пользы посѣяно ими въ воспримчивой ко всему доброму, хорошему, полезному, почвѣ простонародья русскаго! Благодареніе Богу и правительству Русскаго народа! Не ограничилось великое дѣло народнаго просвѣщенія этими только начатками. Съ Божіею помощію Державные преемники незабвеннаго Царя-Освободителя, его сынъ Александръ III—Царь Миротворецъ и, благополучно царствующій, внукъ Государь—Императоръ Николай Александровичъ, продолжили и довели святое и великое дѣло начальнаго образованія народа и просвѣщенія его до возможнаго, по нашимъ временамъ, благосостоянія и устройства. Ими призваны къ

жизни, поддержаны и благоустроятся по всей обширной Россійской имеріи *церковно-приходскія школы*. Поставивши, вмѣстѣ съ начальнымъ образованіемъ, одною изъ главныхъ своихъ цѣлей и религіозно-нравственное воспитаніе народа Русскаго, эти школы являются теперь наиболѣе любимыми народными школами, школами по желанію народа, по его сердцу и духу. Онѣ уже и теперь заняли почетное и видное положеніе среди школъ другихъ видовъ и типовъ. Въ будущемъ же можно ожидать отъ нихъ и еще большихъ успѣховъ и значенія для народа Русскаго, потому что учать они главнымъ образомъ тому, какъ сдѣлаться и быть истиннымъ хрістіаниномъ. А это вѣдь и все, что только и нужно знать хорошему человѣку, ибо въ этомъ все его достоинство. Прекрасный человѣкъ, будетъ ли онъ ученымъ, начальникомъ, судьей, чиновникомъ, художникомъ, купцомъ, ремесленникомъ, земледѣльцемъ, слугою, тогда только и можетъ сдѣлаться достойнымъ имени прекраснаго, если напередъ постарается быть прекраснымъ, благочестивымъ и праведнымъ хрістіаниномъ. Въ этомъ русскій человѣкъ всегда ставилъ свой идеалъ прежде, къ сему же *черезъ церковно-приходскія школы* стремится онъ и теперь. И да благословитъ Создатель эти стремленія Русскаго народа своимъ небеснымъ благословеніемъ, щедротами, милостію и благоволеніемъ!

И школа — благодареніе Господу — ро- стить и растить Русскій народъ умственно и нравственно. „Хведекъ“ несомнѣнно подъ ея облагороживающимъ воздѣйствіемъ становится все меньше и меньше, и вмѣсто мальчиковъ, знающихъ подъ именемъ молитвы Духу Святому какую-то бессмысленную белиберду, нынѣ школа даетъ благоговѣйныхъ чтецовъ и пѣвцовъ, составляющихъ по многимъ мѣстамъ красу нашего Церковнаго Богослуженія....

Я говорилъ вначалѣ, какъ неуволимо- быстро и въ тоже время до поразитель-

ности рѣзко измѣняютъ человѣка движе- нія возраста, и подобнымъ же образомъ — успѣхи его духовнаго роста и просвѣще- нія. Не могу не привести въ примѣръ этого еще одно яркое сопоставленіе изъ опыта собственной жизни.

Давно это было... Я только еще про- ходилъ начальную школу и съ жадностію уже поглощалъ одну за другою всѣ книги, какія только попадались въ мои дѣтскія руки. (Между ними — какъ сейчасъ помню — Аѳонскій и Кіевопечерскій Патерики, Жи- тія св. въ маленькихъ книжечкахъ деше- ваго изданія и т. п., коими я не могъ досыта начитаться).. Еще не — Богъ зна- етъ — какъ я бойко читалъ, но уже и тогда довольно толстыхъ книгъ мнѣ едва хватало на день-два, потому что при чте- ніи я имѣлъ обыкновеніе, свернувшись гдѣ-нибудь въ углу клубочкомъ, забывать все на свѣтѣ, такъ что и голодъ въ это время былъ безсиленъ заставить оторвать- ся для обѣда....

Тогда у меня былъ еще живъ старый дѣдушка. Это былъ то же страстный люби- тель, и можно сказать, прямо *мученикъ* чтенія „Божественныхъ“ книгъ. Онъ чи- талъ вслухъ и *по старинному*, и въ этомъ-то особенно состояло мученіе его любви къ чтенію и вмѣстѣ мое мученіе: садясь за книгу, дѣдушка обыкновенно сажалъ и меня около себя и велѣлъ слѣ- дить за нимъ, правильно ли онъ читаетъ и какъ надо его поправить... И вотъ дѣдуш- ка начиналъ читать... Господи! Сколько труда стоило ему это чтеніе: буки-азъ ба и т. д!.. Бывало — смотришь въ его старин- ную Псалтирь или молитвенникъ и, пока онъ разбираетъ одну строчку, успѣешь проглядѣть обѣ страницы. И такъ каждое слово, съ мученіями, паузами, постоян- ными заминками и совершенно искажаю- щими слово ошибками. Поправлять прихо- дилось постоянно, на каждомъ шагу, и иногда такъ, что поправленное послѣ мучи- тельнаго разбора слово прямо удивляло

до разочарованія ошибившагося дѣдушку. А вѣдь онъ уже давно читаетъ, считая чтеніе истиннымъ утѣшеніемъ въ своей старости.

Бѣдный дѣдушка!—думалось мнѣ—при его бы любви къ чтенію да новые способы чтенія! А его любовь къ чтенію была прямо его подвигомъ, вполне стоившимъ такого его терпѣнія! Съ какимъ трудомъ онъ читаетъ, и читаетъ-то одно и то же, всю жизнь не подвигаясь ни на шагъ въ умѣннн читать, а мы—молодые школь-

ники—за годъ, много за два готовы читать все бойко и понятно!...

И часто, часто мое хотя и дѣтское воображеніе рисовало мнѣ мое далекое-далекое будущее, когда я самъ буду дѣдушкой, и безъ помощи внука буду коротать свой трудный старческой вечеръ священною душеспасительною книгою.

Счастливы мы, будущіе дѣдушки, если только огонекъ любви къ чтенію Божественнаго сохранится въ насъ такъ же, какъ онъ горѣлъ въ нашихъ дѣдушкахъ!...

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Августъ 1903.

Въ послѣдніе десять лѣтъ у насъ въ Россіи особенно замѣтно оживилась фабрично-промышленная дѣятельность. Число фабричныхъ рабочихъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. А кому не извѣстно, какое вредное, развращающее вліяніе имѣетъ фабричная жизнь на простой народъ? Пѣлую недѣлю, изо дня въ день, съ утра до вечера, едва имѣя время на необходимый физическій отдыхъ, рабочій проводитъ гдѣ-нибудь около машины. Грохотъ машинъ не даетъ ему возможности даже словомъ перекинуться съ сосѣдомъ-рабочникомъ; его мысль тупѣетъ, онъ самъ невольно превращается въ бездушную машину. Приходитъ праздникъ: благо ему, если православный русскій фабрикантъ озаботился построить при фабрикѣ храмъ Божій или приходскій храмъ находится по близости: онъ можетъ тамъ „отвести душу“, помолиться, услышать поученіе, почувствовать себя хотя на часъ человѣкомъ. Но всегда ли есть эта возможность? Есть фабрики, отстоящія отъ приходскаго храма на десятокъ верстъ; администрація—все иностранцы, которымъ и дѣла нѣтъ до русской православной души; а есть и русскіе похуже иныхъ иностранцевъ; и вотъ, бѣдный фабричный, вмѣсто храма Божія, идетъ въ трактиръ и здѣсь старается заглушить послѣдній отголосокъ своей тоскующей по Богѣ души—въ извѣстныхъ развлеченіяхъ...

Удивляются, что въ послѣднее время въ средѣ фабричныхъ рабочихъ распространяется противуправительственная пропаганда. А намъ думается, надо еще уди-

вляться, какъ большинство фабричныхъ умѣютъ стоять противъ такой пропаганды. Подумать только, въ какой духовной тьмѣ проходитъ ихъ жизнь? Въ дѣтствѣ до нихъ никому дѣла нѣтъ: родители работаютъ на фабрикѣ, а они проводятъ время на улицѣ, безъ всякаго призора: первый встрѣчный подростокъ можетъ развратить ихъ... Вотъ что рассказывалъ какъ напимѣръ одинъ почтенный батюшка, служащій при фабричномъ храмѣ: „иду мимо корпуса, на улицѣ играютъ малыя дѣти и какъ играютъ? Въ кабаки!.. Да, одинъ пресерьезно разыгрываетъ роль сидѣльца, другой покупателя-пьяницы... „Что вы, ребята, дѣлаете?“ говорю имъ. „Ничего, мы играемъ“... Въ другомъ мѣстѣ встрѣчаю малышей лѣтъ семи, играющихъ уже въ карты. „Мы не на деньги, мы на кости“, отвѣчали они на мое замѣчаніе, что играть грѣшно.“—И это еще въ дошкольномъ возрастѣ! Въ школу они поступаютъ уже испорченные, прошедшіе школу уличныхъ безобразій. Не легко школѣ справиться съ такими учениками. Да и одинока она, школа, въ борьбѣ со зломъ. Родителямъ не до воспитанія дѣтей—лишь бы сыты были да кое-какъ отъ холода прикрыты. Въ школѣ три года пройдутъ незамѣтно, и если что школа сможетъ посѣять въ нихъ добра, то жизнь скоро все это съ корнемъ вырветъ... Да, вырветъ, потому что ребята изъ школы попадаютъ снова на улицу. Вотъ гдѣ величайшее зло: школьникъ кончаетъ ученье, положимъ 12-ти лѣтъ, а на фабрику законъ не позволяетъ такого ма-

лыша принимать раньше 16-тилѣтняго возраста. И вотъ, бывшій школьникъ опять года на четыре очутился на улицѣ: отцу некуда его дѣвать, чтобы къ дѣлу пристроить... Но это уже не тотъ малышъ, который игралъ въ карты на кости,—это подростокъ, который старается подражать во всемъ взрослымъ, и сколько зла отсюда выходитъ—трудно и сказать. Какимъ испорченнымъ попадаетъ наконецъ въ фабричное зданіе этотъ подростокъ!.. Не напрасно свидѣтели разныхъ фабричныхъ безпорядковъ единогласно показываютъ, что впереди обезумѣвшей толпы обычно идутъ вотъ такіе подростки: они играютъ роль застрѣльщиковъ, съ нихъ не такъ строго взыщеть полиція, а за ними уже валить толпа озвѣрѣлыхъ рабочихъ съ крикомъ, гамомъ, руганью или пѣнями..

И невольно напрашивается мысль: почему бы не обязать всякаго фабриканта, при извѣстной нормѣ числа рабочихъ, непременно открывать учебныя мастерскія для подростковъ, дѣтей рабочихъ? Вѣдь это прямая нравственная ихъ обязанность; вѣдь обязываютъ же ихъ открывать школы; вѣдь и для самыхъ фабрикантовъ не только отъ этого не было бы убытка, а была бы великая польза. При разумной постановкѣ дѣла такія мастерскія могли бы, конечно, покрывать хотя часть издерживаемыхъ на нихъ суммъ, а главное, подростки, пройдя школу, поступали бы на фабрику не только подготовленными къ дѣлу подмастерьями, но и болѣе цѣльными въ нравственномъ смыслѣ людьми.

Они не представляли бы такого горячаго матеріала для всякаго рода безпорядковъ; они на опытѣ знакомились бы съ дисциплиной, душой всякаго порядка, и осмысленнѣе понимали бы свое положеніе въ средѣ окружающаго рабочаго люда, свои обязанности къ хозяину и къ фабричной администраціи. Въ этомъ дѣлѣ могли бы воздѣйствовать на фабрикантовъ представители правительственнаго надзора, но къ сожалѣнію, правительственный надзоръ за фабриками, въ видѣ фабричныхъ инспекторовъ, не всегда поручается людямъ, способнымъ понимать всю отвѣтственность своего положенія предъ правительствомъ. Ради извѣстнаго рода „дружбы“, гг. инспектора позволяютъ себѣ якобы на законномъ основаніи утверждать такія постановленія фабричной администраціи, которыя противорѣчатъ законамъ Божиимъ и человѣческимъ. Напримѣръ, разрѣшаютъ производить работы по воскреснымъ днямъ подъ предлогомъ, что этого желаютъ сами рабочіе, и тѣмъ лишаютъ возможности добрыхъ христіанъ быть въ храмѣ Божіемъ. Такіе гг. инспектора, понятно, готовы мирволить администраціи и въ такихъ вопросахъ, какъ обязательное открытіе учебныхъ мастерскихъ для подростковъ изъ фабричныхъ.

Между тѣмъ вопросъ о мѣрахъ къ предохраненію фабричныхъ подростковъ отъ окончательной гибели, отъ превращенія въ подонки человѣческаго общества—вопросъ неотложной необходимости, вопросъ вопіющій....

СОДЕРЖАНІЕ: Духовно отравленные дѣти. *Димитрія Введенскаго*.—Порочные школьники. *Свящ. Г. Молебнова*.—Письма С. А. Рачинскаго къ Г. А. Толстому.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листы изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова*.—Поѣзды и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.—Нашъ дневникъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 9-я (три статейки).

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Виенія. Августа 25 дня, 1903 года. Цензоръ, Ректоръ Виенской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Бѣляевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.